

НЕЛЛ УАЙТ-СМИТ

ЛИС, КОТОРЫЙ РАСКРАШИВАЛ ЗОРИ

РАССКАЗЫ

Нелл Уайт-Смит Лис, который раскрашивал зори

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39854321

ISBN 9785449307651

Аннотация

«Лис, который раскрашивал зори» – сборник из четырёх рассказов, которые отражают разные (но всегда уникальные) особенности жизни мира паровых машин, механических оборотней, вокруг которого скользит созданная из живой механики луна...

Содержание

Вместо введения	5
Лис, который раскрашивал зори	21
Глава 1. Новый заказ для «Северного сияния»	21
Глава 2. Дорога к Угольной Спирали	41
Глава 3. Большой дирижабль Энкорра	55
Глава 4. Черное небо белой ночи	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Лис, который раскрашивал зори

Нелл Уайт-Смит

© Нелл Уайт-Смит, 2022

ISBN 978-5-4493-0765-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо введения

Хрустальная скрипка

День выдался не то чтобы дождливым: серая дымка набухала над городом, но так и не проливалась на межи штрихами осенней мороси. Ночь от ночи всё холодало, и чем дальше затягивалось молчание Центра, так и не дававшего Ройри назначения на новую работу, тем больше скрипач боялся оказаться вне шуршащего зубчатыми шестернями бессонного механизма городской жизни – без жилья, без еды и без инструмента.

Когда вызов на собеседование всё-таки пришел, на душе было паскудно: Ройри уже чувствовал, что скажет ему толстый лоснящийся клерк в своей тесной запыленной клетушке, затерянной где-то на верхнем этаже идущего вверх, насквозь через несколько слоёв городских улиц, здания Центра.

Ройри знал, что его никто не наймёт. После последнего скандала – никогда. Он очень сожалел о содеянном. Он очень хотел бы отмотать ленту жизни назад и не играть эту дурацкую. Эту глупую, глупую, глупую! Эту прекрасную – иную, непривычную уху, но математически идеальную – музыку.

Ройри не был виноват в том, что мало кто, кроме него,

мог её сосчитать. Услышать гармонии в их парадоксальном, хитром, холодном и в то же время неудержимо-цветном звучании. Он слышал эту музыку, глядя на закрытые смогом звёзды. И так ему захотелось вчера, чтобы жующие органическое, истекающее соком мясо, посетители ресторана тоже её услышали.

Хотел ли он оскорбить их? Да, (наедине с собой Ройри мог себе в этом признаться) он хотел. Получилось ли у него? Великолепно получилось, но тут нужно иметь в виду, что уважаемые горожане приходят в дорогие места не для того, чтобы их оскорбляли. В рестораны приходят есть, в концертные залы – слушать музыку, и присутствие музыкантов в первом и буфетчиков во втором роде этих заведений не делает их идентичными.

Ройри не брали в концертные залы. Играть сольно его никто не нанял. Шанс найти работу после прошлого (совершенного аналогичного первому) скандала подвернулся случайно. Это было почти волшебство, и это был его последний шанс. Этим шансом, как и всей остальной своей жизнью, Ройри распорядился так, как умел.

Он остановился перед тяжелыми входными дверями Центра Кадрового администрирования города Девятая Гора. Поглядел вверх, задрал при этом голову. Небо всё же прохунилось, закапав дождём, и мелкие, вобравшие в себя за время полёта всю грязь смога капли оросили лицо Ройри. Они падали на до забавного длинный нос, на впалые щёки и на ме-

ханические скулы, кожа над которыми была всегда перенасыщена ликрой, подчёркивая нелепость его внешности. Ройри был рад, что дождь падает на все лица с одинаковым безразличием.

Протиснувшись в холл, он надеялся на формализм и безразличие Центра к его судьбе. Безразличие могло бы сейчас его спасти.

Тучный клерк безразличен не был. Аудиенция Ройри, начавшаяся ровно в срок, закончилась быстро.

– Центр получил одну заявку на вас, господин Ройри, – сказал ему клерк, поигрывая до смехотворно редкими бровями на лоснящемся жиром лице, – но Центр отказал в назначении по ней. Ваш потенциальный наниматель хотел, чтобы вы играли лично ему дважды в неделю то, что накануне вы, по недоразумению, именовали музыкой. Центр не желает, чтобы то, что вы называете музыкой, звучало в Девятой Горе. Поэтому вам придётся ждать следующей заявки.

Ройри, ясное дело, возражал: он упирал на то, что музыка есть музыка, что не Центру решать, какой она должна быть, и приводил примеры. О, он мог приводить примеры из истории музыки несколько суток кряду, и сейчас он был убедителен, как никогда прежде. Он напоминал, что отказывать богачу в его причудах, в конце концов, банально невежливо. Он напоминал, что до следующей заявки он может не дожить – на самом носу зима, а назначение на проживание на исходе. В конце он просто просил дать ему шанс.

Но клерк не был безразличен. Кто-нибудь другой на его месте, возможно, поставил свою визу и отправил бы бумагу по пневмопочте, выдав этим самым для Ройри билет в сытую жизнь. Но клерку было не всё равно, какой будет музыка Девятой Горы. Клерк любил музыку, любил он свой город и своё назначение по работе. Клерк трудился изо всех сил, чтобы сделать всё, чего он касался, лучше. В меру разумения своих ржавых мозгов.

Уходя, Ройри спросил:

– Где я могу забрать инструмент? Его отобрали у меня, лишая назначения.

– Какой инструмент, добрый господин? – уточнил клерк, буравя его маленькими механическими зрачками, так не подходившими к его остальному телосложению, но гармонизировавшими с редкими волосками бровей. Ройри холодно уточнил:

– Мою скрипку.

– Добрый господин, у вас никогда не было скрипки.

И тут клерк был прав.

Ройри долго искал местечко, куда мог бы забиться и подумать о том, как ему поступить дальше. Тонкими пролётами мостов слой за слоем над его головой был проложен город, словно вычерчен карандашом в дыму. Огромный неспящий город Девятая Гора, зажатый в долине Рудных Хребтов, в которой, как в пепельнице, оставался весь смог от предприятий, механизмов и машин.

Город грыз расположенные близ него горы, наползая за счёт проданных земных богатств на останки каменных колоссов. Город рос вверх. Лисьи линии тут и там перевозили по воздуху тяжелые грузы, лавки зазывали яркими названиями, выгравированными на тяжелых вывесках и покрашенными фосфоресцирующими красками, которые стирались тут и там, забавно коверкая названия.

По венам города от дома к дому, сквозь кварталы и слои текла ликра – жидкость, которая текла в теле каждого: механиков, таких как сам Ройри или отказавший ему клерк, големов, которых на улицах Девятой Горы было очень и очень много, и каждого механизма, что участвовал в жизни полиса. Ликра единой пластичной сетью связывала всех, кто жил в Девятой Горе. Ликра играла музыку.

Задумавшись об этом, Ройри посмотрел на своё запястье. На нём располагался ликровый клапан, с помощью которого он мог бы присоединиться к любому ликровому кварталу города и услышать то, что дом позволил бы ему. Это ключ к бесконечной музыке.

Девятая Гора потребляла музыку так же, как печка жрёт уголь. В этом городе были порваны миллионы струн, вышли из строя тысячи и тысячи инструментов. На улицах в полисе играть было не принято, и назначений на это не давали.

Музыку слушали через ликру. Ройри бросил взгляд через плечо. На улице, которую он только что покинул, располагалось с десяток кафе. Значит, там играло как минимум три

коллектива, и их музыку ликра проносила через весь город. Если бы Ройри сунул сейчас запястье в ближайшую ликровую заводь, то и он услышал бы её. По венам этого города она текла – вечная, неисчерпаемая, яркая и бесконечно горькая музыка. Музыка, которую ели.

На улицах было тесно. Прохожие держались почти за руки. Проходя мимо друг друга, они привычным, ставшим совсем автоматическим движением соприкасались запястьями, оставаясь таким образом в неразрывной ликровой связи. Они слушали музыку. Ройри тоже мог бы, но почти никогда так не делал.

Он любил Девятую Гору особенной любовью зависимого. Проходя по улицам, Ройри неизбежно слушал город во всём его многозвучии. Он различал особенные мелодии его жизни, которые сплетались из шагов прохожих по асфальту: шелеста юбок, скрипа новых башмаков и шаркающей походки старых големов, – гомона голосов, соприкосновения одежды и ликровых клапанов, шума транспорта – фырчащих паром трамваев, поднимающихся между слоями вверх лёгких платформ и карабкающихся по домам многоточечников; случайно упавший на мостовую зонт, открывшаяся в шумное заведение дверь – здесь уличная ссора, тут – звон вендингового аппарата, в рожках фонарей с характерным шипением прогорает газ, освещая спешащих по своим делам жителей, мелкие големы, обслуживающие дома, чистят водостоки и фасады, шуршащим поветрием перемещаясь между открываю-

щихся со щелчками окон, даже лисьи линии, которые многим казались беззвучными, на самом деле еле различимо гудят, создавая фон этому многоголосью.

Ройри уже помотало по миру, он был во многих крупных городах, и во всех он слышал эту неумолкающую песню города. И во всех городах мира она казалась ему кашеобразной, нестройной. Другие города звучали, как расстроенные инструменты. В них у Ройри постоянно побаливала голова – он мучительно пытался выискать гармонию в их звучании. Специально он этого не делал, но и избавиться от этого стремления не мог.

Девятая Гора стал для Ройри глотком чистого воздуха. Девятая Гора был звучащим инструментом. Нет, идеален город не был, но он играл свою песню. Причины этого особенно-го звучания Ройри не знал, быть может, оно крылось в том, что преимущественно здесь жили големы и механизмы. Чем больше рос город, чем больше он стремился в высоту, чем глубже въедался в стены безразличного камня, тем лучше он звучал.

Спустившись под мост над лисьими линиями, Ройри сел на камень и свесил вниз ноги, глядя на то, как бесконечным потоком плывут по воздуху однотипные разноцветные, но блёклые контейнеры.

Он хотел бы сыграть для города его собственную песню. Сделать так, чтобы Девятая Гора услышал то, как звучит. Он хотел развить, расцветить эту песню, как прочесть тревож-

ную серую сказку, как рассказать ему о будущем и прошлом. Но город не слушал его. Город его отторгал.

Ройри в последнее время всё больше думал о том, чтобы напроситься на назначение в одно из маленьких поселений, в котором его до сих пор ждали в оркестре градообразующего предприятия. Место представлялось тёплым, назначение – почти пожизненным. Мастер оркестра был его хорошим другом – не слишком умным или талантливым, но вдумчивым музыкантом, который держал своих подопечных в сытости и тепле, а оркестр – в полном порядке. Репертуар там почти не менялся. Ройри там всегда ждали.

Раньше Ройри думал, что не приедет туда. Но время поджимало. Требовалось решить, на что тратить последние деньги. И денег этих не хватит на инструмент, на свободное мастерство – тем более. Если оставаться в Девятой Горе, то придётся платить себе самому за еду и жильё. Потом, когда средства кончатся через месяц, сходить на улице с ума на слепом назначении, замерзая. Или можно было купить билет в один конец прочь из города. Туда, где ему были всегда рады. Туда, где ждали.

До завтра ещё можно подумать... Ройри знал, что не купит билет.

– Вы любите мосты? – Ройри поглядел на механоида, который сел рядом с ним. Музыканту потребовалось некоторое время для того, чтобы, отвлекшись от собственных мыслей, осознать, что незнакомец обращается к нему. Скрипач

ответил:

– Если вы желаете завести разговор, добрый господин, то стоит более ясно указывать своё намерение. Что же до мостов, то я никогда не думал о том, чтобы определить, нравятся они мне или нет. Полагаю, я безразличен к ним.

– Это не так, вам должны нравиться мосты, ведь, по сути, мост – это дорога, проложенная в пустоте, как и музыка, – не остановившись на этой фразе, неожиданный собеседник Ройри сразу продолжил. – Вы знаете, сколько стоит дом? Дом – это уходящий в землю минимум на три этажа фундамент, встроенный в общегородской механизм расширения, стены, поднимающиеся вверх на несколько слоёв города, которые достаточно крепки, чтобы держать на себе надземные дороги и самим служить дорогами для многоточечников, это ликровые вены, которые идут через дом и которыми дом управляет, фильтруя уровни доступа к информации, содержащейся в ликре, добавляя или убирая определённые химические соединения, это трубы водоснабжения и водоотведения... Дома так дороги, что они гораздо дороже механоидов и даже големов, которые в них живут. Но вы знаете, что дороже домов.

– Нет, добрый господин, не знаю, – раздраженно подал голос Ройри.

В ответ сидящий рядом с ним механоид подвинул кейс для скрипки и, отдав музыканту знак приглашения открыть его, отвернулся, устремив взгляд на кипящий тысячей кот-

лов за лисьими линиями город. Ройри поглядел на кейс – он даже на взгляд был прекрасен и давал довольно ясное представление о стоимости инструмента, который находился внутри.

Ройри подвинул кейс к себе и прикоснулся к защёлкам. Вне зависимости от того, кем именно был его неожиданный новый знакомый, музыкант хотел открыть кейс, что находился у него в руках. Он хотел и мог его открыть. На какую-то секунду скрипач вдруг подумал, что футляр пустой. В следующее мгновение он вовсе уверился в этой мысли, и это помогло ему, не сомневаясь более, быстро открыть блестящие золотом защёлки.

Внутри была скрипка.

– Хрусталь, из которого сделан этот инструмент, выращен в Храме. В том самом Храме, что стоит перед Хаосом, том самом Храме, что каждое полнолуние включает Машины Творения и вгрызается в Хаос, терзает его, рвёт, отнимая для мира первородное вещество, за счёт которого существует всё, что вы когда-либо знали. Машины Творения гораздо дороже домов, а самые дорогие вещи – это самоцветные камни, на которых работают Машины Творения. Эти самые самоцветные камни – материал, с которым я работаю, – незнакомец закурил.

– Какой... хрусталь? – спросил Ройри, подняв взгляд на алеющий огнём кончик сигареты

– Живой хрусталь, – пояснил, словно между прочим, его

собеседник, – он растёт в Хрустальном Саду Храма в промежутках между полнолуниями, и демон Садовник возвращает его хрустальные цветы, он выхаживает их очень аккуратно и бережно, вплоть до того момента, когда в час очередного шага мира вглубь Хаоса не превращается в механического ворона и не разбивает хрустальные цветы на осколки. В этот момент они навек теряют цвет, становясь прозрачными. Скрипка, которая перед вами, сделана из хрусталя, имеющего самые лучшие акустические свойства. Она собрана из осколков.

– Но я не вижу, как её склеили – это единый кусок стекла! Мне приходилось играть на хрустальных инструментах, но все они были не такие...

– Вы не увидите швов, для этого нужно иметь такие глаза, как у меня, – с этими словами механоид наконец обернулся к Ройри, и музыкант сглотнул ставшую почему-то приторно-горькой и вязкой слюну. Он снова опустил глаза на скрипку, – вы сейчас договариваетесь с собой, – незнакомец снова выпустил в сторону Ройри сигаретный дым, от которого враз захотелось курить и свело от голода живот, стало тоскливо, стыдно за себя, а ладони вспотели – так хотелось взять в руки эту бесценную, должно быть, скрипку, – вы скоро с собой договоритесь: вы решите, что если я – плод вашей воспалённой фантазии, то скрипка не существует тем более. Что если вы душевно больны, то это решит ваши проблемы с жильём и едой на некоторое время, и главное, что если это так,

то вам ничем не будет грозить, если вы попробуете сыграть на этой скрипке, Ройри.

Музыкант вскинул вверх взгляд. Он убеждённо и взволнованно прошептал:

– Вы не существуете.

– Господин Ройри, вы не поедете в город, в котором вас всегда ждут, вы останетесь здесь, в Девятой Горе, и здесь вы умрёте. Скоро умрёте – сегодня. Вы возьмёте эту скрипку, и вы подниметесь туда, наверх, вы встанете у входа на мост, и вы сыграете этому городу его музыку. И когда вы будете играть, поднимаясь всё выше в своём мастерстве, изливая всё больше в мелодии свою душу, всю суть своего естества, всю свою сущность, я убью вас, и я вырву сердце из вашей груди, но когда я разожму окровавленные пальцы, там не будет ограническо-механической мышцы – там будет самоцветный камень, который я вставлю в Машину Творения. И мир, когда придёт ему время делать шаг вперёд, будет иметь силы сделать это.

– Я не стану этого делать, – рассмеялся Ройри, сглатывая при этом ком в горле и стараясь умирить взбесившееся сердце. – С чего мне делать это?

– Потому что вы больше ничего не можете.

Ройри встал, он собрался уйти, но, запихнув руки в карманы и сделав пару шагов в сторону дороги, снова вернулся назад, беспокойно сообщив:

– Пока я живу, я всегда что-то могу сделать.

Его собеседник промолчал и, убрав окурок, закурил снова. Ройри сделал ещё шаг, обойдя его кругом и зайдя так, чтобы ветер сдувал дым на него, таким образом оказавшись на прежнем своём месте. Он сказал ещё громче:

– Вы просто не можете существовать! Конечно, я знаю о механике мира, но Ювелир приходит только к великим. Он приходит к великим – не к таким, как я!

– Поглядите на скрипку: там, ближе к краю, всё-таки можно разглядеть швы склейки. Эта сеточка образовалась из-за того, что на инструмент попадала кровь. Кровь таких, как вы, господин Ройри. Кстати, – внезапно заинтересовавшись новой темой, спросил его Ювелир, – а я вообще правильно произношу ваше имя?

– На первый слог ударение, да... Верно, – Ройри сел. – А вы разве не читаете мыслей, не знаете, как меня зовут, просто так?

– Нет, я посмотрел ваше личное дело ещё в Храме, завтра я забуду эти детали. Важно сейчас то, каким светом горит ваша душа.

– И каким?

– Вы не поймёте профессиональных его описаний. Но суть знаете и сами. Так горят души, тянущие дороги над пустотой.

– Так, значит, я вроде как великий? Вы скажете мне сейчас, что музыку мою запомнят и мои ноты потом, через много-много поколений будут изучать и играть?

Ювелир отдал знак неопределённости, но потом всё же

высказал свою оценку:

– Не думаю. Скорее всего, нет.

– Но как же?

– Вы говорите не для того, чтобы вас услышали. Вы говорите потому, что не можете молчать. Вы слышите музыку, которую ещё никто до вас не слышал, не для того, чтобы поделиться ей, а от того, что она – звучит. Вы играете не потому и не для того, чтобы кто-то сыграл после вас ваши ноты, причина этого в том, что желание играть – сильнее вас. И вот – вы посреди пустоты.

– Тогда почему вы здесь?

Сделав долгую затяжку, демон ответил:

– Потому что ваша музыка бессмысленна.

– Я никогда не знал отклика на то, что делал, – словно бы в оправдание себе развёл руками Ройри.

Великий демон Храма Ювелир посмотрел ему в глаза прежде, чем ответить:

– Если бы вы знали, что делаете всё верно, я не видел бы вашей души.

Ройри быстро кинул на него взгляд, а после опустил голову. Он мог бы ответить. Мог бы ответить так, как всем и всегда отвечал, но здесь и теперь, как и всегда прежде, он знал – его не станут слушать.

Он взял скрипку.

И он поднялся наверх, настроил инструмент и стал играть. И так он объяснял то, что не умел сказать словами. Он му-

читательно, скрупулёзно доказывал музыку этого города, он объяснял, разматывая, словно клубок ниток, всю душу этого огромного исполина, зажатого в горах.

Его музыка была идеальной – она намного опередила свой век. Математически выверенной, безусловно сложной, бесконечно чистой. Его техника исполнения, повинувшись этой высчитанной почти волшебной мелодии, была абсолютна. Его музыка была бессмысленна.

Она не согрела ни одного сердца, она не освятила ни одной любви. Она не дала ни одной надежды. Она просто звучала, потому что не могла не звучать. Она рвалась наружу, разрывая саму его душу, поднимаясь огненной птицей над городом, а горожане проходили мимо, касаясь друг друга запястьями, через которые по ликре передавалась им другая, простая, понятная им музыка.

Они не знали, что танцуют вместе с городом в едином порыве первый его настоящий, добрый и чистый танец. Они не знали, как они красивы, не представляли, как органичны. Они шли по своим делам.

Демон Ювелир так и сидел там, под мостом, медленно докуривая. Ему было не слышно оттуда хрустальной скрипки – он просто смотрел, как ярким росчерком света уходит от моста, над лисьими линиями и в пустоту цветной след подходящей к пику своего Дара души.

Идти, зная, что тебя не ждут, кричать, понимая, что тебя не услышат, звучать без права на отклик, надеясь лишь

на то, что однажды когда-то и где-то не весь ты, но хотя бы один осколок твоей души в ком-то преломится волшебным светом.

Когда Ювелир накрыл его лицо своей рукой, когда взвилась до небес смелая линия мелодии и рассыпалась пеплом над металлическими шпильями, Ройри был счастлив.

И падая вниз, уже без сердца и без души, последним движением своим он сберёг от удара о мостовую хрупкую тонкую скрипку. Паутинка на её краю, напитавшись кровью, стала чуть больше.

Через полчаса после его смерти кто-то из прохожих отжал ближайшую тревожную кнопку на доме, чтобы с улицы убрали труп.

Никто ничего не услышал.

Лис, который раскрашивал зори

Глава 1. Новый заказ для «Северного сияния»

Я велел Реку править к плавучему эллингу, а сам перекинулся лисом и устроился смотреть вверх. Следи я за тем, как опускается домой наш дирижабль, то увидел бы, что под нами растёт в размерах пасмурная осенняя гладь озера Дальнего. На его берегах стояла столица городского союза Изразцы, в которой мы жили, сколько себя помнили. Вот вырисовываются обжитые мелкими големами крыши домов, а между ними, над широкими улицами, черточки тут и там перекинутых мостов. Если бы мне было интересно, я следил бы за тем, как ближе и ближе становится к нам часовая башня, с её вечной струйкой белёсого пара, которая тянется вверх, словно ниточка к небу.

Этот пейзаж за годы работы в воздухе основательно мне приелся, и глядеть я на него не хотел. Как ни любил я родной город, всякий раз, когда мы приплывали туда, мне казалось, что это своего рода разлука. От того я заимел привычку менять ипостась и, укрыв рыжим хвостом лапы, смотреть себе в облака. Если, конечно, Луна позволяла.

Будто угадав мои мысли, механическая плутовка показала на глаза. Сейчас Луна нарастала. Ещё немного, и её белёсый металл станет отлично различим в нашем северном небе. Многие говорят, что мы, оборотни, ребята переменчивые, – врут. Во всех механоидах заложена двойственность. у нас есть и механика, и органика. Одно питает ликра, а другое – кровь... Так что оборотни не двойственной других. Даже наоборот: куда как привязчивей – если уж мы выбрали свою стезю, то это, скорее всего, навсегда. И я раскрашивал зори.

Небо, к слову, сейчас было спокойным, седым. Тлела закатная заря. Она была из тех, что не всякий сумеет различить – такой тихой и неяркой. Подобные ей я любил, к иным испытывал профессиональную неприязнь – до того непросто с ними работать. Впрочем, с опытом я научился весьма сносно предугадывать завтрашнюю цветовую гамму и прикипел к ярким непокорным зорям некоторой профессиональной страстью. Ну... у каждого специалиста есть такой слегка извращённый интерес.

Дирижабль сбросил скорость, винты почти остановились. Мы мягко планировали вниз, стравливая газ. И я, и Рек были почти готовы сменить один вид жизни на другой, как меняют цилиндры в музыкальной шкатулке. Наше судно порядком устало, баллоны с реактивами опустели, а оставшиеся в небольшом шахтерском поселении заказчики остались вполне довольными.

Теперь приходила пора получить деньги за работу, заказать реактивы и плавучий газ, потоптать мостовые Изразцов. Я отметил себе в очередной раз, что собирался занять несколько книг и справочников, с помощью которых думал рассчитать одну штуку и о которых в прошлый свой визит в Изразцы благополучно забыл.

Сейчас я в основном корпел над тем, чтобы сделать самые дешевые и популярные услуги ещё доступней. Преуспей я в этом – работы станет, конечно, больше, но больше станет и отдачи. Я думаю, это обоснованно. Койвин (наш главный по административной части) весьма успешно и ежегодно доказывал эту политику центральной части компании. Это не слишком его утруждало, ведь наш район был промышленной окраиной мира, и мы не испытывали переизбытка внимания к своим скромным оборотам.

С высоты наш край представлялся мне точками обжитых рабочих посёлков и маленьких городков, которые ютились рядом с провалами выработок полезных ископаемых. Их было много, словно веснушек на девичьих щеках. Получив туда назначение однажды, оттуда уже почти никто не мог уехать. Там женились не по любви, рожали детей из необходимости, рано старели, а старики жили не слишком долго. Там почти не смотрели вверх.

Незримые купола межей защищали эти поселения от ядовитого ветра пустошей, который иногда забирал пригоршнями мелкую (заиндевелую зимами) каменную крошку и швы-

рял её колким дождём в освещённые тёплым жёлтым светом окна. Эти окна отсюда, сверху, казались мне совсем крохотными. Межи останавливали этот ветер, превращая его – дикого, злобного – в робкое поветрие над тёмными от угольной пыли крышами. Эти межи без разрешения Центра невозможно пересечь, но моё назначение – курсировать от одного города к другому, и мне казалось, что хоть по разу я уже проплыл через всех них.

Итак, мы меняли цвет неба под заказ по цене, близкой к себестоимости. Мы – это «Первое общество раскрашивания зорь» (ПОРЗ, стало быть). Наш бизнес был сравнительно молодым – совсем недавно умер его основатель. Старик всего лет двести назад получил патент на способ визуального изменения цвета неба с помощью распыления в атмосфере особых газов и пропускания через них магнитных линий.

Сначала идея не нашла в обществе понимания: небо всех устраивало и таким, каким делал его каждый день Сотворитель. Но потом несколько крупных предприятий заказали на праздники основания закаты в своих корпоративных тонах, и популярность услуги начала расти – пришлось разработать более точечные предложения, рассчитанные на богатых горожан: надписи, имитацию магнитного сияния, а потом и вовсе грошовые виды небесных художеств. Бизнес начал расти, по миру стали открываться местные отделения вроде нашего. Затем городские советы прижали ПОРЗ, заставив платить пошлину за использование неба внутри ме-

жей.

Старик попытался выйти из положения, начав работать за межами, но дело не выгорело: силовые поля городских границ работали как отражатель наших магнитных линий, они же сдерживали газы от мгновенного распыления внешними ветрами. Поэтому на мзду пришлось соглашаться. Из-за этого некоторое время ПОРЗ балансировал на грани банкротства, но в итоге десять новых отделений, открытых и оснащённых накануне введения налога, спасли компанию от угрозы разорения. И дальше всё пошло как по маслу.

Наше отделение называется «Северное сияние», и в его ведении все поселения в радиусе тысячи километров вокруг Изразцов. Мы принимаем заказы любой сложности (это скорее рекламный лозунг, основанный на том, что тех заказов, которые лично я выполнить не могу, в каталоге нет, но, с другой стороны, у здешнего населения фантазия в основном так себе, поэтому мы не врём).

Меня зовут Кай. Моя команда – это Рек и Лёгкая.

Рек – молодой парень, он работает под моим началом, но я ему не мастер – считаю за компаньона.

А Лёгкая – наш дирижабль. Я её так назвал в честь совершенно отвратительного характера. Стариковская ворчливость, которая с годами укореняется во всём живом, у неё приобрела истинно едкие формы, лишь немногим превосходящие свойства серной кислоты. Механоидов Лёгкая делит на тех, кого она согласна была терпеть, и тех, кому лучше

сразу прыгать за борт. Все мои попытки подойти к её восприятию аналитически (как и к восприятию каждой женщины) потерпели крах с торжественной и бескомпромиссной убедительностью.

Но для меня главное то, что в управлении Лёгкая почти идеальна, а в содержании – дешева. Её единственный, кроме характера и класса, минус – это возраст. Из-за него дирижабль и продали с прошлых мест назначения. Что это были за места, я не знаю, за историю при покупке не доплачивал, но ясное дело – одни из тех корпораций, где цифра в анкете значила больше, чем реальное состояние. Я такие вполне обоснованно не любил.

Рек крикнул мне, что мы приземлились. Я перекинулся механоидом, потянулся, избавляясь от некоторой задумчивости, подпрыгнул, зацепившись за перекладины на потолке, которые нам заменяли турник, и, перебирая руками, прошелся так пару раз вдоль комнаты, чтобы разогнать ликру с кровью. Затем натянул сапоги (обувь – штука дорогая, и на Лёгкой я ходил босиком) и принялся за дела, которые нужно было сделать по прибытии.

Сперва я привёл в порядок Лёгкую, даже не пытаясь сунуться в ликровую заводь: в Изразцах она становилась невыносима. Закончив всё быстро и стремясь успеть сделать за вечер как можно больше, я широким шагом направился в город.

От эллинга я пошел прочь из обширных портовых угодий.

К слову сказать, озеро Дальнее – судоходное и имеет весьма сносное сообщение с морем, и оттого через нас прёт весьма увесистый грузопоток. У длинношеих кранов всегда навалом работы: Лёгкая за все эти годы так и не познакомилась ни с одним из них.

Огромные и разнообразные ангары и казавшиеся бесконечными склады на моём пути скоро сменились широкими проезжими частями окраин. Здесь и там, прямо между домами, стояли товарные вагоны и цистерны, порожние в основном. Железнодорожная ветка, пролегавшая вне жилых кварталов, у нас было всего одна, хотя и широкая – по слухам, по ней гоняли товарняки с первородным веществом и особо ценные грузы. Собственно, потому народ от него и берегли (ну, или товары берегли от народа, что тоже весьма обосновано). Всё остальное, вне зависимости от уровня токсичности, отстаивалось в городской черте, и старые ветки проходили через город, а город отстраивался вокруг путей, бывших когда-то обходными. Жизнь!

Дальше улочки пошли уже, дома становились изящней от квартала к кварталу. От моих размашистых шагов поголовье мелких големов-трубочистов, осмелевших и спустившихся на мостовую, шугалось назад в водосточные трубы да на крышу: я ходил не так, как прогуливаются достопочтенные господа, что здесь живут.

Первым делом следовало зайти в банк. Заведение, когда я добрался до него, уже закрывалось, но клерк задержался

и, ловко шевеля механическими сочленениями пальцев, рассчитал мне мою часть платы за выполненный заказ, а остаток средств отправил на счёт «Северного сияния» и головного отделения ПОРЗа в пропорциях, установленных купчей на услуги банка.

Мой счёт – это то, что причитается всей команде Лёгкой. Там и её, и наши с Реком здравоохранение, судебное признание, одежда и даже еда. Как корпорация ПОРЗ оплачивает нам только жильё и материалы для работы, которые я заказываю с неизменной бережливостью.

На том, чтобы быть для своей команды главным по социальной защите, я настоял лично – я Лёгкую купил, мне и остальное решать. Слышал я, как бывает: даст ПОРЗ не те запчасти, что нужны, и привет. А так нельзя – это небо, это наши жизни. Уж лучше я сам не доем, но ворчунья моя будет в порядке (у нас это, кстати, довольно штатная ситуация).

Размышляя именно об этом, после банка я прямой наводкой направился в стол приёма заказов, чтобы купить кое-что новое в моторный отсек. Не нравился мне там звук в последнее время. Рек ничего такого не слышал, но он ещё мелкий, не наловчился ещё, а у меня хвост чувствовал – пора отправлять под замену часть деталей. Да, не буду спорить, они нормально выглядели, но – пора.

Я пробежался за вывернувшимся из проулка трамваем, сопящим белым паром, и успел на подножку. Кондуктор меланхолично проверил моё назначение на транспорт и, вы-

яснив, что такового не имею, спровадил на следующей же остановке – а мне туда и надо. До стола заказов я добрался, к сожалению, когда лавку закрыли. Часовой башни из узкой улочки не было видно, и поэтому здесь частенько закрывались раньше срока и открывались тоже. А иногда позже. Я говорил уже много раз Дивену: поставь ты сюда зеркало, пусть народ живёт в ритме города, а он всё отшучивается – мол, не оплатили.

Дивен – это мой друг, кот-оборотень с часовой башни, подмастерье. Я над ним часто шучу: возмужаешь – станешь часовых дел придурком, потому что такие, как ты, никогда не становятся мастерами. А он мне – подобное, говорит, стремится к подобному. Это он о нашей, стало быть, дружбе так философствует.

Подёргав ещё немного дверь, я вынужденно перенёс заказ запчастей на завтра и отправился в бар в центральной части города. Деревья на бульваре звенели механическими кронами, заря была мягкой, как под покраску, но сегодняшнее небо никто не заказывал. И было оно диким, было оно девственным, было оно таким, каким раньше были все зори на свете. Погода стояла безветренная, а тот ветерок, что и пролетал, делал это ненавязчиво и с одной только целью: чтобы листва чуть побренчала да пустила на мостовую пару бликов – не висеть же ей, в конце концов, без дела.

Деревья в нашем городе работали ликроносной системой, объединяя все дома и прочие здания в одну сеть, а вот вода

перекачивалась по специальным трубам. Поэтому в нашем эллинге не было городского водоснабжения, и мы всесезонно испытывали явную проблему с горячей водой, а холодную зимой брали из проруби.

Миновав перекрёсток, я попал в нужный ликровый квартал, прикоснулся ликровым клапаном на запястье к механическому дереву и связался с дежурной хозяйкой бара «О паре и стрелках». Выяснил, на месте ли пушистая рожа Дивена, и заказал четыре бутылочки тёмного – велел вынуть из холодной воды, расплатился и ускорил шаг.

Пока я ходил по городу, я всегда придумывал что-нибудь новое, что подходило бы именно для сегодняшнего неба. Это развлекало меня и всегда помогало не скучать. Если я не думал о небе, то я начинал подозревать, что я туда больше никогда не поднимусь, а меня это пугало. Всегда пугало, с раннего детства, когда я даже не знал, зачем мне туда надо.

Добрался я до бара – заря кончилась. Началась белая ночь. Я вошел внутрь: дыма тут было – хоть спать на нём ложись. Я помахал рукой, хоть как-то разгоняя табачный туман, а бариста Хейла решила, что я отдаю ей знак приветствия. Она всегда мне старалась грубить – это у неё шло за кокетство:

– Тебя, драная шкура, мастер Койвин искал, – кинула вместо приветствия она.

– И тебе добрый вечер, Хейла, – я забрал бутылки со стойки, – ты запомни, наконец: он мне господин Койвин, не мастер. Он не оператор дирижабля, а сотрудник ПОРЗа по ад-

министративной части. То есть начальник, но не мастер. Запомнила теперь?

Хейла мстительно ухмыльнулась в ответ. В следующий раз опять назовёт его «мастер» и посмотрит на мою реакцию. Она сама по себе мелкая. Чтобы казаться выше, делает хвостик на самой макушке, а когда вот так «сердится», смешно раздувает крылья носа. Когда она поднимает волосы, хорошо становятся видны её механические уши, и всё это вместе смотрится забавно. Я всегда с ней разговариваю в полтора раза медленнее, чем обычно, и всегда с покровительственной приветливостью. Это у нас с ней такое обыкновение.

– Короче, давай к нему, – с деланной суровостью велела она. Постоянно пыталась она мной командовать. Дивен часто шутил, что это, вероятно, неспроста. Вполне может быть, но я был моногамен, занят последние семь лет и планировал распространить это состояние на всю оставшуюся жизнь.

– Ты передала? Спасибо, – ответил я ей терпеливо и направился из бара вверх, в часовую комнату, – я тебя услышал. Всего наилучшего.

– Я передам по сети, – это Хейла бросила мне вслед как угрозу.

– Ничего не говори никому, красотка.

Я ушел. Подниматься к Дивену всегда очень скучно. Нужно подниматься, и подниматься, и подниматься... но потом всегда в итоге достигаешь часовой комнаты, а там почти безвылазно находится затворник Дивен, так что это того стоит.

Дивен из тех котов, что домоседы – он очень редко выходит из зоны своего комфорта. Но есть у него какая-то искорка промеж ушей, общая для всех оборотней. Непоседливость. За эту искорку я его и терплю, зануду драного, а он, наверное, и не знает о ней.

Ну вот, Дивен находился на месте, я вместо приветствия поставил ему на рабочий стол пару бутылок, открыл первую из своих и пошел смотреть на город с высоты башни. Низковато, конечно, но выше точки в городе не существовало.

Болтали мы сначала о том да о сём. Он мне напомнил, что его Луна (то есть время лунного цикла года, когда он может в любое время перекидываться из одной ипостаси в другую) почти закончилась. Моя Луна, кстати, была в полном разгаре, за что я и отсалютовал её механической белой роже почти опорожнённой тарой.

Разговор у нас шел вяло, и оттого пиво скоро закончилось. Мы перекинулись.

Я потянулся, разминая лапы да позвоночник, он тоже – тянется так лениво и на меня глазом своим золотым косит – мол, ничего не имеет в виду. А потом как рванул – ну зараза – успел в первом лазе меня опередить, но дальше там было моё любимое место – я обогнал, и только он мой лисий хвост и нюхал.

Мы выбрались на крышу. Устроились у тёпленького места. Мне было хорошо – я чего-то волновался, пока сюда брёл. Что да почему – сам понять не мог, а тут всё вро-

де бы сровнялось. Там, чуть правее, был наш плавучий эллинг, в нём Лёгкая уже, должно быть, задремала. Рек, конечно, девку привёл. У него как передышка между заказами – так девка. И каждый раз новая, но не потому, что он молодец, а потому, что наоборот. Что-то с противоположным полом у него не очень ладилось, но я парню не мастер рабочего дома и не буду читать моралей по собственному почину, а сам он на эту тему со мной не заговаривал. Словом, его дело.

– Я б подремал, – резюмировал я, давая понять Дивену, что была у меня за душой эта странная тревога, которая, как серая метель, сейчас рассеялась над засыпающим городом.

– Надолго на землю? – спросил меня Дивен, передёрнув так ушами, как он всегда делает, когда собирается учить меня жизни.

– Дней на восемь. Не успел приземлиться, как Койвин зовёт, значит, есть заказ...

– У Сайрики уже был?

– Нет, – ответил я, подозревая, к чему он клонит, – я не был у Сайрики. Я думал, что она должна быть уже на сохранении...

Дивен очень плохо на меня посмотрел и обронил:

– Нет. Ещё через две недели.

Тут нужно сказать, что карта ветров в наших краях была не самой понятной, и порой мне приходилось отводить до недели на одно плавание, выжидая более безопасную по-

году, поскольку тихоходность Лёгкой не позволяла мне бороться с сильными порывами ветра, а затяжная непогода и вовсе могла заставить нас ждать в чужих краях ясного неба и десять, и пятнадцать дней. В этот раз я задержался куда дольше, чем ожидал.

Я отвернулся от Дивена, лёг и устроил сбоку хвост. Время на земле для меня текло как-то неправильно – вечно оказывалось, что я то слишком тяну с какими-то событиями, то слишком гоню мотор. Я выдохнул:

– Дивен, я... я куплю ей этот кулон, если она так хочет. Но он стоит кучу денег. Лёгкой нужен ремонт, я закажу завтра запчасти, и посмотрим, сколько останется...

– Кай...

– Да что я с тобой, в конце концов, как с женщиной? – начал я ему выговаривать. – Ты этот кулон выпрашиваешь чуть только не больше, чем она! Запиши себе где-нибудь, чтобы запомнить: я беден, я делаю всё, что могу, но дирижабль – это вопрос жизни и заработка. Я седьмой год в одних сапогах и буду восьмой, но куплю я ей этот кулон... – я притих, ожидая возражений кота, но тот смолчал, и я для верности добавил, – ты зануда, это вообще не твоя женщина, не твой ребёнок...

– Она не хочет, чтобы ты купил кулон ей. Она хочет, чтобы ты его купил для сына.

– Сыну-то он зачем? Он родится – будет мелким и ничего не будет понимать. Зачем ему побрякушка? – это я начал

ворчать, но потом решил рассудить здраво, – ну, допустим, его заберут в рабочий дом в другом городе. Бывает такое – со мной вот и с тобой такое случилось. Ну и что? Разве у нас с тобой были кулоны? Нет. Мы просто пошли в Центр, заплатили немного и узнали адреса родителей. Вот и всё! Я даже потом написал отцу.

– Я помню. Это была открытка «Рисуйте зори с ПОР-Зом!».

– Ну зато мой отец теперь в курсе, что у меня самая лучшая работа на свете. Он даже ответил мне, я тебе говорил?

– Миллион миллионов раз говорил... – вздохнул кот. Беседа вошла в обычное русло.

– ...прислал мне таблицу соответствия цветов эмоциональному состоянию. Вроде зелёный – дарит надежду, красный – вызывает агрессию... такая чушь. И написал ещё: «Когда-нибудь я подарю тебе всё на свете». На этом переписка наша закончилась, ведь я не придумал, что на такое можно ответить. Может быть, когда-нибудь я ему ещё что-нибудь напишу, – я усмехнулся таким мыслям. Это было очень много лет назад. Мы помолчали немного, глядя как Луна вертит медленно по небу свою механику, а потом я вернулся к своей мысли, – детям двойные кулоны не нужны – они нужны женщинам. Жен-щи-нам. Чтобы было видно, что их любят. А я и так люблю Сайрику. У меня с ней сын! Ну? Куда уж больше-то доказательств?

Дивен вздохнул и сказал мне:

– Он будет оборотнем, Кай.

Я встрепенулся:

– Мой сын? Как мы? Как я? Лисом?

– Не знаю. Доктор сказал только, что оборотнем.

– Так ты был с ней у врача? – догадался я. Он отдал знак согласия, – она расстроилась?

– Дело не в ней, – Дивен вздохнул, и видно было, что ему было не по себе, а мне стало его очень жалко, ну сейчас скажет. Он-то думает, что я не знаю, – если у тебя действительно нет денег, Кай, давай я тебе отдам всё, что скопил. Твой маленький сын может с первых дней оказаться в другом городе. И всё то время, пока он не пойдёт в Центр, не заплатит пошлину и не узнает, что...

– Ну хватит, дружище, – пробормотал я, но было уже поздно. Я отвёл глаза в сторону озера, горло сдавило, а Дивен закончил то, что собирался сказать:

– Я родился от органической кошки, Кай. У меня не было кулона, потому что моя мама не была в полном смысле слова живой, а кто мой отец – неизвестно, но очевидно – подлец. Сотрудники Центра нашли меня случайно: мать выкинула меня на улицу – не понимала, что я такое. Меня спасли, а рядом со мной было тело механической кошечки – моей сестры – она замёрзла насмерть, а я пытался согреться у её трупа.

Мы помолчали, я вздохнул, сказал честно:

– В тот день, когда мы пошли в Центр, ты мне соврал, что

твои родители умерли, но я всегда знал правду. Я очень боялся, что ты не от механоидов, и узнал про тебя в Центре, как только мы познакомились. Я вообще-то не хотел с тобой больше общаться, если ты не... если ты окажешься ненастоящим. Но, как выяснилось, это действительно не имеет значения, Дивен. Я люблю твою серую полосатую шкуру, какой она получилась, и как она вышла, я не знаю, как это сказать... запутался... ладно. Я повременю с ремонтом Лёгкой. Куплю Сайрике завтра кулон.

– Сыну.

– Да. Точно. Просто он ещё не родился, мне сложно думать о нём как о механоиде.

– Это потому что ты редко бываешь дома, – назидательно изрёк кот. Это хорошо, значит, он отошел, успокоился. Хорошо. Я сел, выпрямив спину, поглядел на город:

– Небо – мой дом. Как же мне сделать так, чтобы Сайрика плавала вместе со мной?

– Купи её, – предложил Дивен, подобрав под себя лапы и ещё больше распушив мех.

– Нет денег, Дивен, – вздохнул я напряженно, – нет денег. Она с пятой ступени, у неё большой опыт работы, а за переход не по профилю нужно ещё и накинуть процент... Новый дирижабль возраста Лёгкой купить дешевле, чем Сайрику. Я не справлюсь, даже если дену куда-нибудь Река и платить за новое рабочее место Центру не придётся. А без этого... Ведь ты не знаешь, как я её люблю. Поверь, я просто... я

не знаю, как ей это нарисовать.

– Это обычно говорят, – многомудро сглумил мой дорогой приятель.

– Это обычно, а я...

– А ты уплываешь в небо делать зори для чужих радостей, оставляешь её, а потом рисуешься.

– ... рисую. Я рисую, что чувствую.

Снизу из часовой комнаты донёсся крик Хейлы. Она звала нас обоих. Из воплей я понял, что господин Койвин так хочет меня видеть, что сейчас подавится этим жгучим желанием насмерть. В интерпретации бариста он вечно выходил каким-то желчно-злым начальником, хотя на самом деле был вечно вздыхающим стариком с круглым пузом и обвисшей физиономией, который носил яркие подтяжки и старомодные шляпы, но никогда не пользовался зонтом.

Так или иначе, мы спустились с крыши, я перекинулся в механоида, а Дивен забрался мне на плечи и устроился так наблюдать за Хейлой. У них двоих был свой ритуал: он на неё смотрел и иногда моргал, помахивая полосатым хвостом, а ей это, по легенде, не нравилось.

С минуту мы повыслушивали, какие кары на мою голову якобы сулил господин Койвин, и дальше я пошел в контору прямо так, не снимая кота. Дивен вообще обычно гулял на мне. Наверное, я был частью его дома, и перемещая таким образом свои развесистые вибриссы, Дивен полагал, что своего жилища он не покидает. Домосед, что с него взять.

Контора, как несложно было понять, была в том же ликовом квартале, так что топать пришлось недалеко. Мимо прогремел трамвай, потешно отдуваясь на повороте паром, и проехала парочка эксцентричных моторных велосипедистов.

Второй раз нарушать общественное спокойствие, катаясь на транспорте без назначения, я не стал, и мы мирно прошли туда, куда собирались. Неспешно зашли в контору, сели напротив господина Койвина. Я думал, он будет бухтеть, раз уж звал через Хейлу дважды, но он просто протянул мне бумаги. Сказал, что, мол, срочный заказ.

Я достал содержимое уже раз вскрытого им конверта.

– Ну... – начал комментировать я прочитанное, – будут в Угольной Спирали похороны. Чернить небо. Через четыре дня. Слушайте, «Северное сияние» не успеет – это на самой границе нашего ведения и дотуда лететь почти двое суток...

– Заказали два экипажа, так что ты летишь, – старик налил себе в стакан капельку дрянного пойла. – Совместные заказы крайне важны для репутации базы, сам знаешь, – мрачно бросил затем он и, как ему и следовало, вздохнул. Дивен как-то неуютно перемялся у меня на спине. Меня кольнули через пальто его механические когти.

– А чей второй экипаж?

– Тайриса, – ответил, пожевав губы Койвин, – вы, кажется, знакомы...

– А, Тайрис – хороший парень. У него нет одного глаза,

и он копит на протез, сколько я его знаю... – улыбнулся я своей словоохотливости и задумался, прикидывая срок нашего знакомства, – лет пять. Заказать два экипажа – это какие же деньжища нужно иметь! Кого хоть хоронят?

Разлилось молчание. Как из опрокинутой бутылки пиво разлилось. Я прочитал всю бумагу дальше.

– А. Мой отец умер. Не выполнил, значит, обещания старик. Проклятье...

Я откинулся на спинку кресла, прищемил Дивена – забыл, что он там, и больно стукнулся об него головой. Кот перелез ко мне на колени и посмотрел как на дурака. Господин Койвин смотрел на меня тоже как на дурака, но достойного всяческих жалостей.

Я встал, стряхнул Дивена с колен и вышел из конторы, не прощаясь. Нужно лететь – значит, нужно. Скорей бы лететь... куда угодно, лишь бы убраться с земли наконец. Только день здесь – уже опостылело. Я по дороге достал из кармана сегодняшней чек.

Дивен догнал меня уже на полпути в ювелирную лавку.

Глава 2. Дорога к Угольной Спирали

Сайрика смотрела своими большими чёрными глазами на кулон, который болтался перед ней на цепочке, как на чудо-юдо. Она сидела на лавочке у проходной завода. Живот у неё был очень большой. Мне казалось, что с таким уже идут на сохранение. Беременность вообще очень ей шла, но сейчас я думал только о том, почему она так странно разглядывает кулон. Я улыбнулся:

– Ну, давай что ли надену?

Она промолчала, опустила глаза, а потом словно встрепенулась, убрала своими ловкими механическими пальчиками тёмные тугие косы от шеи и прошептала:

– Надевай.

Я начал расстёгивать аккуратный замочек на цепочке. Набрал в грудь воздуха – такой важный для нас троих момент, начал говорить, что, мол, де скоро вернусь, туда-сюда сплавать – всего неделя, а там ещё с месяц-другой подождать уж, и с новым горожанином познакомлюсь, перекинул ей цепочку через шею и тут только заметил – у неё ухо сверху было проколото. А там – в ещё не зажившей ранке – обручальное колечко. Я сморгнул. Сайрика несколько дней назад вышла замуж.

У меня опустились руки – я правду говорю – такое со мной случилось в первый раз. Раньше я думал, что это

просто так для красного словца говорят, что, мол, опускаются руки. Нет. Так правда бывает.

Кулон уехал с цепочки и упал ей куда-то на большой живот. Сайрика вздохнула и сникла. Она ждала, что я теперь буду делать: орать на неё или, может быть, ударю?! Я обошел её кругом. Правда кругом – она теперь совсем кругленькая. Набрал в лёгкие воздуха, подумал что-то сказать, но вместо этого шумно выдохнул. Потом опять собрался говорить, но так и не придумал ничего путного.

– Мы с тобой встречались семь с половиной лет, – напомнила мне спокойно и тихо Сайрика, – последние полтора года я ношу под сердцем твоего ребёнка.

– Да! – выкрикнул я, оттого что понял, что именно с этого я сам и собирался начать, – именно!

– За это время ты не собрался жениться на мне...

– Ну и что же?

– Я устала ждать, когда ты у себя в небе вспомнишь обо мне.

– Ты мне изменяла с Дивеном, – догадался я, пытаюсь хоть как-то обосновать для себя происходящее.

– Нет.

– Не изменяла? Вы... вы что, не спали из уважения ко мне? Он женился на тебе, ты пошла за него, а вы... не спали?!

– Это не Дивен. Дивен просто ходил со мной везде, как... посольство от тебя. О моём... браке он не знал, ты не сер-

дись на него. Он не знал. Но с моим мужем мы действительно не спали из уважения к тебе и к твоему сыну. Мы не плохие механоиды, Кай, – вот только теперь она смахнула с края глаза слезинку, – мы просто... живём, как умеем, и как нам кажется...

– ...счастливее будет, – закончил я за неё известную фразу, и на этом слова у меня закончились.

Я сел на лавочку рядом с ней. Помолчали мы немного, она, рассеяно смаргивая бусинки слёз, искала кулон в складках одежды, я её обнял одной рукой за плечо. Вздохнул. Сказал:

– А у меня вчера отец умер... сегодня вечером лечу его хоронить... два дня пути до Угольных Спиралей. Небо должно быть чёрным в белую ночь... Если за то, чтобы сжечь моего родителя позрелищней, готовы платить такие деньги, наверное, он не зря жил. Как ты думаешь, росинка моя?

Она разревелась. Нашла кулон, наконец, я вздохнул, вдвёл ей его на цепочку и застегнул. У меня будет сын, а женщины больше нет. Я посмотрел на неё, стало приторно жалко:

– Ну... хочешь быть счастливой... ну... что делать – будь счастливой, только так, чтобы по-настоящему, а не тяп-ляп. И ты уж в этот раз не ошибайся, не трать кучу лет на парня, с которым тебе потом никак, – я достал платок и вытер ей все слёзы. И поцеловал в раскрасневшийся носик. А вот её механические пальчики я больше никогда не смогу ей поцеловать: второй, четвёртый, мизинчик, а потом перепоночку

между вторым и третьим – у неё там особенное место. А он-то знает о нём?

Я вздохнул и начал вставать, чтобы уйти. Навстречу к нам шел парень с завода Сайрики – его, кажется, звали Руртом. Великовозрастный, в меру обеспеченный дурак, который постоянно сидит в конторе, что над цехом, в котором работает Сайрика. Говорить с ним противно: он вечно мямлит и смотрит будто бы близоруко, но в действительности – очень внимательно и всегда прямо в глаза. Плешивый к тому же. Увидев нас вместе, он встал столбом и побледнел. Посмотрел на слёзы Сайрики с таким видом, словно хотел их прочесть вместо утренней газеты. Я глянул на его ухо.

– Это он? – спросил я сквозь зубы. Руки сжались, кожа на костяшках чуть не затрещала.

Сайрика отдала знак согласия.

Что со мной было потом, я плохо помню.

Из долговой ямы меня выкупал, ясное дело, Дивен, который и до того потратился на кулон (моих денег всё-таки не хватило), а теперь отдал всё до последней черточка в чековой книжке. Самому Руртому досталось не так и много – нас разнимать прибежал народ с проходной, и я переключился на них, а дальше я, кажется, подрался с половиной заводской охраны. Под конец я перекинулся лисом и пустил в ход зубы и когти, перескакивая с одного противника на другого, но меня успокоил чей-то точный удар по голове, а потом ещё раз, для уверенности, со всей силы пригрели башкой о мо-

стовую. В общем, повеселился я на славу, а завод, где работают Сайрика и Руртом (собственно – «Изразцы») очень щедро платит службе приставов, и штраф был ого, какой. Я даже цифру запомнить не смог, что было, в общем, неудивительно, учитывая моё состояние.

Дивен отнёс меня на Лёгкую. Он же вызывал врача. Мне досталось что надо – я не мог обернуться назад в механоидную ипостась, не мог поднять головы, толком открыть глаз, и если брался говорить, то нёс околесицу.

Врач меня осматривал уже, должно быть, в кредит: всё наше здравоохранение сейчас болталось у Сайрики на шее, но, кажется, я видел, как с доктором рассчитывался господин Койвин. Ну, этот с нас высчитает в свой час.

Кажется, наступил вечер. Нужно было лететь.

Рек метался как угорелый, делая всё подряд, я пытался им руководить, но выходило у меня что-то не вполне подобающее. Словом, беда.

– Мы заказ сорвём... – прошептал я Дивену, который стоял рядом и глядел в предписание врача. Господин Койвин встал на цыпочки, заглянул ему через плечо и махнул от разочарования рукой, засопев, как он всегда делает, когда понимает, что дело – дрянь.

– Мастер Койвин, что случится, если вы не совершите один вылет? – уточнил у него Дивен, надеясь, что в этом случае не произойдет ничего страшного.

– Потеряем многие будущие совместные заказы, сынок, –

грустно сказал толстяк и удрученно подмигнул ему, мол, «так-то». Надел шляпу. Вышел. Дивен посмотрел на меня грустно-грустно. Я понял, что он меня не бросит. Меня здорово повело. Замутило, вся картинка разъехалась, я попытался свернуться в клубок, но толком не смог, поскольку запутался в собственных конечностях.

– Нужно лететь, – изрек я, пытаюсь не выключаться, но веки были слишком тяжелыми, да и без них в глазах темнело, – Рек, поднимай Лёгкую.

– Молчи уже, – задумчиво произнёс кот, надевая куртку, чтобы, видимо, пойти в аптеку. – Рек, я скоро вернусь.

– Дивен, – позвал я его в полусне, – Дивен! – он наклонился ко мне с таким видом, что я понял, что уже до смерти ему надоел, но информация была сверхважной, и я прошептал ему на ухо страшным пророческим шепотом, – ничего не поручай Реку, когда мы на земле! – набрал воздуха в лёгкие и из последних сил выдавил из себя, – Никогда!

Потом опять плохо помню.

Как я понял из более поздних объяснений Река, в ту ночь парень с готовностью, достойной лучшего применения, принял командование на себя. Первым делом он зачислил к нам в штат свою новую девушку по имени Вайранн (ей было пятнадцать), а вторым – Дивена. Каким образом господин Койвин добился для всего этого балагана назначения на пересечение межей по линии ПОРЗа – я не знаю. То есть я знаю технически – как.

Он купил Вайранн к нам на временное, а Дивена взял пассажиром – тот договорился со своим мастером на то, что привезёт несколько редких деталей из Угольной Спирали – они и правда ждали оттуда, как и из нескольких других городов, оказии. Но я не понимаю, как господин Койвин допустил, чтобы этот паноптикум вёл дирижабль, и как Лёгкая на это согласилась. А хотя и этому было объяснение – Лёгкая не желала терять заказ, а Койвин просто не был воздушных дел мастером. Он, как я уже говорил, был начальником по линии администрации, то есть, иными словами, не имевшим о полётах никакого понятия старым дураком.

Мне стало чуть получше где-то к утру, и я смог проверить, куда и как мы летим. Поглядел также и то, как мы заполнились для задания. По итогам инспекции я нашел, наверное, миллиард недочётов и выписал это всё Реку и сотоварищам, но в целом парнишку оставалось только поблагодарить – он действительно поднял дирижабль в небо и повёл его работать. Дивену я тоже выдал благодарность за то, что не пустил детей одних, но в нашем деле он ничего не понимал, и Рек этим на всю катушку пользовался.

Это не очень хорошо, но у меня не было повода не доверять Реку, ведь сам я начинал, когда был ещё моложе.

Сейчас мне было двадцать девять. Я пришел в бизнес четырнадцать лет назад. Меня ещё подростком купили из рабочего дома после трагической гибели прошлого судна и экипажа. «Северное сияние» всегда было небогатым, и ме-

ня старик Койвин выбрал по двум причинам: я очень любил небо и стоил гроши – Центр хотел за меня чуть больше компенсации расходов на моё содержание до пятнадцати лет, а в рабочих домах шестой ступени почти не содержат: я до сих пор помню, как Койвин накормил меня досыта – это было вообще первое чувство насыщения в моей жизни, которое я помнил, и после него долго и сильно болел живот (Река я поэтому сразу досыта не кормил).

Центр предупредил Койвина, что я – оборотень, который на тот момент выбирал свою преимущественную ипостась, и если я вдруг решил бы остаться механическим зверем, который лишь в определённые фазы Луны сможет принимать облик механоида, то это личное невезение Койвина, и Центр снимает с себя ответственность за это. Старик, на моё счастье, решил рискнуть.

Он взял меня, озлобленного на мир паренька и уже почти убеждённого лиса, с собой на аэросалон в Холодных Танцах, где собирался приобрести подержанный дирижабль. В целях экономии на железнодорожных билетах я всю дорогу сидел в багажной сумке. Потом я выбрался и увидел приготовленные к продаже воздушные суда.

Аэросалон в Холодных Танцах – это такая захудалая провинциальная ярмарка, где за сдельную плату сбывают раз в несколько лет полуживые дирижабли и планеры, но мне было всё равно – я увидел свой заветный билетик в небо и схватился за него со всей силы, что у меня была, а парень

я крепкий. Именно тогда с моей преимущественной ипостасью всё стало решено.

Продавец, с которым Койвин заключил сделку, был раньше лётчиком, весьма охотливым на советы. Он рассказал мне самые основные правила управления и один раз даже показал на примере. У меня тогда страха не было, Койвин действительно думал, что управлять дирижаблем – просто. В общем, назад мы приплыли по воздуху – я правил сам, при этом буквально раздуваясь от чувства собственной важности и восторга.

По воле Сотворителя, тогда мы не разбились, хотя, оглядываясь назад сегодня, я искренне не понимаю, почему. Потом у меня было много тренировок, много ремонтов. Я так боялся упустить свой шанс, что дешёвый (как и всё, приобретаемое «Северным сиянием») плавучий элинг стал моим вторым, после дирижабля, домом. Другого жилья на земле я не снял до сих пор.

Первый заказ поступил через два месяца из Изразцов. Я справился, и понеслось: заказы, профилактика, тренировки, ремонты, заказы, тренировки, заказы, заказы...

Когда я свалился с температурой, то даже не понял сперва, что это перестройка по преимущественной ипостаси – настолько давно я не оборачивался лисом. И вот по прошествии лет я остался в основном парнем с двумя руками, двумя ногами и головой – ни единого хвоста в комплекте, как правило, не имеется. Хотя нужно признать, что свою Луну

я до сих пор использую как надо – небо кажется мне совсем иным, когда я лис. Оно одновременно и дальше, и ближе.

К сожалению, тот, мой самый первый дирижабль, которого звали Бросок, умер через четыре года службы. Койвин, конечно, бранил меня за это, хотя даже он понимал, что четыре года работы для этого дремучего старика – был чрезвычайно долгий срок.

Потом я купил Лёгкую. Итак, она была со мной последние десять лет.

А Река мы приобрели всего три года назад. Парень был ещё дешевле, чем я. По непроверенным данным, Койвину за то, что он согласился трудоустроить это ходячее недоразумение, лично доплатил мастер работного дома. Хоть Рек и не тянул на учёного мужа, умственные способности и прилежность паренька не позволяли его выгнать ниже седьмой ступени и вовсе пустить на мор в угольных разработках. Но все считали, что для реального дела он не пригоден: Рек, по мнению наставников, был очень невнимательным и невезучим.

Слава у него была до того дурной, что Койвин сомневался перед покупкой, но я побеседовал с парнем и велел его брать: у него в душе было небо. Для меня Рек – совершенно нормальный смуглый пятнадцатилетний высокий и тощий подросток, с механическим плечевым поясом и большой тягой по женской части. Я позволяю ему править Лёгкой даже в сильный ветер, одним словом – вверяю свою жизнь и здо-

ровье дирижабля. Так что я не в первый и не в последний раз доверял ему сейчас, позволяя себе валяться в полубессознательном состоянии.

Но это всё – в небе. К сожалению, земля – совсем другое дело.

Впрочем, сейчас мы находились именно в небе. Ветер для нас был, на счастье, попутным. Тут нужно сказать, что Лёгкая, кем бы она ни работала до меня, скорее всего, была наблюдательным дирижаблем, задача которого была – зависнуть где-нибудь в безветренном месте и ждать, ждать, ждать... Она была тихоходом, и оттого «Северное сияние» сильно зависело от погоды.

Но с опытом я всё больше учился общаться с воздушными течениями родного края – это была моя главная ценность для ПОРЗа, и тому же я учил Река. Итак, в зоне нашей ответственности мы вели себя свободно – ветра я чувствовал собственной шкурой и знал, когда, куда они подуют и как (на точные приборы у нас всё равно не было денег).

Словом, теперь я видел, что Рек многое усвоил. В общем, Лёгкая оказалась скорее довольна, чем нет, Реком и была очень недовольна мной.

– Такие, как ты, только засоряют небо воздухом, который выдыхают! – выговаривала она мне всякий раз, как я подключался к её ликровой системе.

В ликровую заводь лучше было вообще не соваться – вечный её бубнёж на большую голову становился и вовсе непе-

реносим: и то ей не так, и это не эдак. Дивена она, к слову, не переносила на дух. На мою беду, ликру мне нужно было теперь чистить часто – каждые три часа по пятнадцать минут. Ночью я просто клал лапу в ликровую заводь, и Лёгкая сама подключалась к клапану.

Тут мне повезло: обычно говорят, когда нужно часто чистить ликру – оставайтесь дома, а мой дом – это Лёгкая и была. У нас с ней идеальная совместимость по ликровым признакам, – если я, допустим, был бы ранен и потерял бы много ликры, меня просто можно было бы подцепить к ней в ликровый круг – и вот я был бы спасён. Жаль, что у дирижаблей не бывает крови – я думаю, что кровная совместимость у нас тоже была бы как надо. Но её тяга к высказыванию своего мнения... о, Сотворитель... она одна не щадила меня.

А хотя... ну за что меня было щадить? Сайрика права, я просто не собирался быть с ней как надо, а жениться мне не мешало ничего – церемония занимала три минуты и самая дешёвая стоила, как два средних обеда: мы могли обойтись без колец, нарядов и обещаний. Вполне возможно, Сайрике даже дали бы отдельную комнату в общежитии, где я смог бы раз от раза ночевать за счёт ПОРЗа.

Но мне было приятно болтаться между небом и землёй во всех отношениях – я и болтался. Я и сейчас понимал, что она имела право сделать то, что сделала, и где-то даже готов был понять, что произошедшее – это хорошо, но... но я всё равно упивался своими страданиями на моральном и физи-

ческом уровне и ничего толкового с этим поделаться не мог.

Ну а когда мне полегчало, я уже, вроде как, и успокоился. Но это я здесь успокоился, в небе. Я начал несколько переживать за то, что будет, когда мне придётся опять спускаться вниз, тем более возвращаться в Изразцы, и оттого, остро нуждаясь в компании, приплёлся с виноватым видом с Дивену.

Устроился в кресле напротив, свернувшись и сделав вид, что почти сразу же задремал.

Сам же я наблюдал, как Дивен корпит над своими маленькими часовыми механизмами (он взял работу с собой), и я был рад, что он тут, рядом. Казалось, что мой мир, в котором и Дивен, и Лёгкая с командой, и небо, покрыт какой-то очень тонкой оболочкой наподобие мыльного пузыря, а за ней – тёмная и страшная пустота. Но что было грустить? Мы выкрутились с заказом на этот раз, но... нет. Так думать не пойдёт – выкрутились и ладно. Это сейчас было главное. И я надеялся, что Сайрика будет счастлива. Счастлива, а значит, что-то у меня в жизни уже и получилось. Ох, запутался в мыслях... я спрятал морду под рыжий мех хвоста.

– Тебе уже можно оборачиваться, – промямлил Дивен, я поднял голову и наострил уши, – тебе уже можно оборачиваться, – повторил он, чуть отодвинувшись от часового механизма и начав его разглядывать от угла, – доктор сказал, что когда ты начнёшь маяться бездельем, то можно оборачиваться и возвращаться к обычной работе.

– Вот как, – хищно произнёс я, перекинулся, огляделся и, выйдя из кают-компания, рявкнул, – Рек! А ну сюда! Увижу ещё раз, что грязь такая – языком будешь вылизывать!

В действительности с санитарной обстановкой на судне у нас всё было в порядке. Я рисовался, чтобы всех (себя главным образом) подбодрить. На самом деле мне снова было страшно, и я опять не мог понять, почему.

Глава 3. Большой дирижабль Энкорра

Принцип работы ПОРЗа прост: в действительности небо вовсе не перекрашивается, то, что вы видите, – это оптическая иллюзия. Мы распыляем в атмосфере на определённой высоте сложные нетоксичные газы, при необходимости пропускаем через них магнитные линии. И в итоге кажется, что небо изменило цветовую гамму, светится, выписывая сполохами ваше имя, ну или как в нашем случае – стремительно темнеет. В действительности рабочие газы собираются у верхних границ межей, и город, таким образом, чем-то напоминает игрушечный шар со снегом, у которого вместо хрустальной оболочки межи, а вместо стеклянной крошки, имитирующей снежинки, – красящие газы.

Что же касается темноты, то тут нужно не столько, чтобы небо стало «черным», сколько то, чтобы на его фоне хорошо было видно представление: салют или световую феерию, погребальный костёр... Но чем светлее небо изначально, чем ярче оно над межами, тем задача сложнее, и тут наши заказчики оказались правы, позвав сразу два дирижабля – это гарантировало то, что результат получится что надо.

Мы прибыли вовремя и во всеоружии – я чувствовал себя просто великолепно, когда за что-нибудь держался (так меня ещё пошатывало). После того, как мы пересекли межи, то

покружили немного над городом, выискивая коллег, и выяснили, что город оказался в трауре. Весь.

– А когда ты сдохнешь – о тебе никто не вспомнит, – объявила мне Лёгкая, когда я делал последние корректировки курса.

– О тебе и при жизни-то все забыли, – попытался сумничать я и взглянул за окно вниз. Чёрные флаги вяло трепыхались и тут, и там, окна домов были зашторены, мелкие лавки закрыты.

Угольные Спирали – большой город, чуть меньше Изразцов, но при этом куда как богаче. Через него проходит неслабый пассажиропоток и много грузов. Куча механоидов и големов, которые сейчас находятся в городе – не отсюда, и события городского масштаба их не касаются и им не интересны, но тем не менее, казалось, что всё затихло, помрачнело, словом, город грустно прижал уши. Мне это не понравилось – оставляло неприятное и лживое в чём-то впечатление.

Наконец, мы высмотрели второй дирижабль ПОРЗа, и я очень удивился, как мы вообще кроме него могли хоть что-то рассмотреть – такой он был огромный. Ну Тайрис, зараза, поднялся. Где он только нашел столько денег, второй глаз что ли продал? Я начал про себя прикидывать объём баллона и сколько эта зараза должна жрать при плавании, а Реку крикнул:

– Давай к ним!

– Ух ты, Кай, а почему у тебя не такой большой? – я сме-

рил глазами девушку Река. Как там её звали? Вай... Вай... Забыл. А, ладно – я буду звать её Вай-Вай, тем более всё равно Лёгкая её уже никогда не простит за то, что она только что сказала, и второй раз на этом дирижабле ноги её не будет никогда.

– Потому что дирижабль должен быть правильным, а не большим, Вай-Вай. Вот Лёгкая, – я положил руку на стену, с ласковой уверенностью и надеждой подлизаться, – правильный дирижабль – она кормит себя и нас с Реком, а это недоразумение пустило бы своими аппетитами «Северное сияние» по ветру.

– Будь у тебя столько заказов, чтобы они оправдывали дирижабль такого размера, ты мог бы купить ещё несколько мест в команде, – не унималась девчонка.

– А зачем мне ещё несколько мест в команде? – беспечно задал я риторический вопрос, любуясь тем, как грациозно мы спускаемся.

– Жениться, – завершила логическую цепочку Вай-Вай и немедленно получила «дружеский» подзатыльник. Ох, Сайрика... я не мог привыкнуть к мысли, что я теперь один. Я её запомнил, эту мысль, да, но привыкнуть – никак.

Мы спустились. Я вздохнул и скомандовал:

– За работу!

Через четверть часа мы с мастером второго дирижабля молча смотрели друг на друга. Это был совершенно точно не Тайрис и не его экипаж. Я созерцал его как нечто, что мне

не нравится, он меня – как досадное, но очень привязчивое недоразумение.

Сперва он велел нам отчаливать, потому что на это посадочное место он ждёт команду ПОРЗа, а потом, узнав, что это и есть мы, впал в вот такое безмолвие, в течение которого я демонстрировал взглядом как мог всю свою лучезарную неприязнь. Наконец, он спросил:

– Доложите о комплектации реактивами что ли...

– Всё готово у нас, – «доложил» я. Он протянул мне переданные помощницей (у него была личная административная помощница) бумаги.

– Просто проставьте галочки в спецификации.

Я с надменным видом передал бумаги Реку, не смотря в них. Парень с минуту повертел документы в руках, а потом спросил:

– Кай, это что?

– Просто проставь галочки, какие у нас реактивы есть, и укажи их количество.

– У нас ничего этого нет – я взял то, что нужно для чернения неба, Кай.

– Вообще ничего этого нет? – уточнил я, не сводя глаз с мастера большого дирижабля, у которого вот-вот должен был начаться какой-нибудь нервный тик, а пропустить этот момент я никак не мог.

– Неа..., – протянул парнишка, – я всю эту чепуху не брал, зачем она нам?

– То есть ты видел эту спецификацию перед полётом? – переспросил я для уверенности.

– Да не смотрел я эти спецификации – я что, без них не знаю, что делать? – с видом оскорблённой невинности раздразнился парень.

Лучше бы мы вообще сюда не летели.

– Господин Кай, – вежливо и тихо, как к умалишенному, обратился ко мне мастер большого дирижабля, – вам знакома специфика неба Угольных Спиралей?

– Да, я выполнил два заказа здесь, – гордо отвечивал я.

– В таком случае, каким образом ваш ученик мог предположить, что достижения цвета 854697 в данных условиях возможно с помощью стандартного набора реактивов? – почти промурлыкал он, и я понял, что, возможно, мы будем сегодня драться.

– Таким, что это небо ничем не отличается от всего остального неба, я полагаю, – так же нарочито медленно произнёс я и незаметно опустил руку в карман, где всегда держал пару гаек для утяжеления кулака при первом ударе.

– Хорошо, представьте тогда свою команду, я хочу познакомиться с вашим химиком.

– Рад знакомству, – я улыбнулся и отдал соответствующие знаки, – я наш химик, штурман, баллист, первый, второй, третий и четвёртый механики, оператор всех пушек и руководитель этого безобразия. А это, – я положил руку на плечо Реку, – мой заместитель по всем вопросам. Например, в этот

раз дирижабль к полёту готовил он, – решил я похвастаться, но потом понял, что хвастаться тут нечем, и руку убрал.

– А я его девушка! – поспешила представиться Вай-Вай, – я воздушная гимнастка!

Дивен поймал на себе полный надежды взгляд моего оппонента и грустно признался:

– Я здесь оказался случайно, мастер... кто-то должен был дотащить до дирижабля команду, – Дивен глянул на Река и исправился, – не всю, хотя бы четверых механиков, штурмана и капитана...

– Два механоида – достаточная команда для работы на таком дирижабле, как Лёгкая, – с некоторым укором напомнил я. Вообще-то такому воздухоплавателю, как Вы, следовало бы знать это.

– Вы должны были подобрать дополнительный персонал на станции в Каменной Пыли, – поставил меня в известность вышеозначенный воздухоплаватель.

Я продолжал на него смотреть, а Рек с глупым видом протянул мне согнутые в пять погибелей и потрёпанные по краям бумаги, среди которых и правда было требование о дополнительных механоидах от ПОРЗа и ещё страниц двадцать дополнительных указаний по заказу. Ах, вот где, оказывается, был экипаж Тайриса!.. Ну, по крайней мере это прояснилось.

– У тебя это было с самого начала?

– Ну да... Койвин дал мне, вы ведь бумаги держать не мог-

ли...

– Ты мне этого не показывал. Почему?

– Вам же читать было нельзя, вас от чтения блевать тянуло, – объяснил мне парнишка.

Я от беспомощности кивнул с важным видом. Прилетели.

Всё это время я продолжал устремлять взгляд, полный ядовитой самоуверенности и элегантно сдерживаемой враждебности, на своего коллегу. Тот сам себе грустно отдал знак принятия. Нервный тик у него так и не начался.

– Пойдёмте со мной, – подвёл итог разговору мастер, и я вынуждено переместился на вражескую территорию для продолжения ведения переговоров. Река я с собой не взял.

Пока мы шли до каюты мастера, спесь с меня по некоторому количеству размышлений слетела, и я полностью погрузился в мысли о том, что заказ мы фактически провалили, что этот гигант, отделанный внутри красной парчой и позолотой, не нуждается в нас, и придётся, по всей видимости, лететь домой на попутных ветрах, если таковые будут иметься, так как если мы сожжем ещё немного топлива, то в следующий раз подняться в воздух уже будет не на чем. То есть подняться в воздух мы сможем, управляемо лететь – нет.

В общем, события последних нескольких дней, а точнее всё, что произошло с момента покупки злосчастного кулона, очень хорошо можно было бы определить как «финансовый и репутационный крах». Заказы обычного радиуса ответственности останутся за нами, но не более того.

Когда мы пришли на место проведения переговоров, мастер закрыл за нами дверь, достал пару стаканов, налил мне и себе. Я от выпивки отказался, честно объяснив причину. Заодно я рассказал, как и почему дирижабль поднимал в воздух и комплектовал перед плаванием пятнадцатилетний пацан, пока я валялся в отключке, почему не были изучены документы по заказу, почему у нас на борту воздушная гимнастка и часовщик-недоучка вместо дополнительного необходимого персонала.

Рассказал о том, какие и когда мы выполняли заказы, что умеем, чего не делали. Рассказал, как я никогда и ни у кого не учился и что умею из химии. Показал полученные во время самостоятельного обучения шрамы от ожогов.

Потом я выслушал про проблемы мастера – ему нужен был второй дирижабль в помощь ввиду сложности заказа и большого объёма распыляемых реагентов. Его собственный дирижабль, Энкорра, мог перевозить много груза, долго оставаться в воздухе и выполнять по пять-шесть заказов, не возвращаясь на базу. Так вот, этот заказ как раз был четвертым, и на нашу поддержку они рассчитывали.

Что касается пушек, то Энкорра была универсальным судном в том смысле, что у неё были специализированные пушки для всех видов заказов. Но если брать каждый конкретный вид реагентов в отдельности, то пушек, способных распылять, выходило не так и много – на Лёгкой было больше подходящих орудий, ведь на моей красотке всё было универ-

сально до полной безысходности.

В общем, подводя итог, получалось, что мы с мастером Кейриком (я удосужился узнать его имя) были нужны друг другу, и не было между нами никакой неприязни. Просто недопонимание, неудача, но неразрешимых проблем – не было.

Чтобы выйти из положения, нужно было просто намешать нужное количество реактивов, да обучить Дивена и Вай-Вай обращаться с пушками на уровне чуть выше нулевого. Это все мы могли сделать.

Подбив итоги, мы решили действовать сообща. Кейрик отправился в город за материалом, а я вернулся на Лёгкую.

Ступив на борт, я раскинул руки и, лучезарно улыбнувшись, объявил:

– Мы в деле!

Лёгкая недовольно забухтела. Начала ревновать меня к Энкорре. Я обернулся назад. Шикарное судно. Если бы у меня было такое, я был бы уже женат, и моя маленькая Сайрика всегда была бы со мной. Мы были бы уже знакомы с сыном, он хоть бы толкался, когда я подходил, а то Дивена он узнавал, а меня нет... Этого... как его там, его тоже, возможно, узнавал... мой сын.

Лёгкая заворчала громче, и я очнулся от мрачных мыслей. Ну, пусть ревнует. Может, впредь сговорчивей будет.

Я собрал всех в кают-компании, объяснил текущее положение дел, и Дивен сразу же мотнулся в город за той дета-

лью, за которой приехал, пока не привезли материалы для реагентов. Рек с Вай-Вай тоже тихонько покинули помещение, обещав быть на Лёгкой (ну конечно, где им ещё уединиться-то), а я взял бумаги, которые должен был изучить, и пошел к себе.

Лёг на застеленную койку, положив ноги на стену (я так всегда читаю), и приступил к изучению материала. Слова там попадались сложные, и я закрыл глаза, пережидая, пока голова перестанет кружиться, чтобы уделить им всё должное внимание.

Разбудил меня Дивен к ночи ближе. Проснувшись, я чувствовал себя совершенно разбитым, да и ноги затекли. Кот сходил куда-то, вернулся с книгой в руках и присел в кресло напротив меня. Несколько раз попытался придвинуться ближе, но потом вспомнил, что на моём судне всё привинчено.

– Я поговорил с коллегами, вот – одолжил. Это книга в основном о твоём отце и том, что он сделал для этого города. Она иллюстрированная, так что прочесть сможешь даже ты, – закончил он, видя мою кривую мину. Он периодически отпускал шутки о моём мнимо ущербном образовании, которые я стоически терпел. Дело было в том, что я начинал в рабочем доме четвёртой ступени для инженеров, а закончил – в шестой для трудных подростков. На кухне слышался шум. Я оглянулся туда, но разбираться не стал. Дивен посмотрел на меня в упор и укоризненно, – словом, раньше здесь были угольные разработки...

– Были? – переспросил для имитации диалога я и попытался размять затекшие конечности. Подпрыгнул до потолка, уцепившись за брусья.

– До тех пор, пока в угольных шахтах однажды не нашли металл с необычными свойствами, – наставительно вздохнул он.

– Да, здесь компас частенько барахлит, и реагенты немного иначе себя ведут с магнитными линиями, – проямлил я, спрыгнув на пол, и вспомнил, что имел в виду мастер Кейрик, когда спрашивал меня об особенностях этого неба. Здесь были особенности – и немаленькие. Ладно, теперь-то я их вспомнил. Будем работать.

– Металл стали добывать и продавать, но это всё было до твоего отца. Весь город в трауре потому, что твой отец сделал его особенным и создал возможность для его процветания – он научил город танцевать, – Дивен открыл мне книгу на центральной иллюстрации и закончил с интонацией дешевого доморощенного сказителя, – танцевать в воздухе!..

Я тупо уставился в рисунок, а потом судорожно начал листать страницы заказа, глотая глазами чертежи.

– Что за... что за... что это такое?

– Танцующ..., – Дивена прервал грохот на кухне и крик Вай-Вай.

– Что там? – уточнил я с леденящим душу пренебрежением.

– Ничего, – удивлённо протянул Дивен, – я просто попро-

сил Река сделать нам чаю, тебе бы не помешало...

Не дослушав, я метнулся на кухню, сразу по прибытии поглядев на потолок. Как к нему оказалась прилеплена горлышком вверх турка, как она держалась, знал только один Сотворитель, но сразу под ней стояла оттягивающая тунику с огромным кофейным пятном посреди груди Вай-Вай. И это было опасно – я рванул девушку за руку и этим спас от травмы, причинённой упавшим вниз почти в тот же момент предметом кухонной утвари. Остатки горячего напитка окрасили кухню в коричневую крапинку, но ущерба личному составу не принесли. Я императивно стянул с Вай-Вай одежду, на которую был пролит кофе, и отшвырнул подальше.

– Эй! – завизжала она, но, наткнувшись на мой ледяной взгляд, застыла.

Я объяснился:

– Сваренный на земле Реком кофе может обладать свойствами разъедать текстиль и оставлять на коже химические ожоги. Платьце теперь на половые тряпки.

– Рек, а почему кофе, я же просил чаю, – вмешался в диалог Дивен.

– Ах, нужно было чай... – уныло протянул паренёк.

– Дивен, Вай-Вай, – обратился я к своей небольшой команде – ничего не поручайте Реку, когда он на земле. Не спрашивайте, почему. Просто запомните – и останетесь целы.

Из-за окон донёсся звук, однозначно свидетельствующий о том, что привезли реагенты.

– Ну, – ударил я в ладоши, – костюмы химзащиты – сами знаете где, одевайтесь и за работу. Рек, ты просто постарайся выспаться к завтрашнему утру. Править Лёгкой завтра, возможно, будешь ты. А возможно, править буду я, а ты – палить из пяти пушек. Посмотрим, как пойдёт.

Мы переоделись и направились в нашу импровизированную лабораторию под открытым небом – благо, не было ни облачка. Когда я спускался, к нам подошел посыльный из почтовой службы. Мне пришло два послания: одно письмо от Сайрики. Там были или извинения, или проклятия. Я знал, что письмо не о том, что она родила, потому что в таком случае мне писал бы Центр. Я не открыл письма – не мог пока вести с ней диалог иной, кроме мысленного.

Второе – от отца. Там я нашел небольшой прямоугольный свёрток с сургучовой печатью и моим именем на коричневой бумаге. Он прислал мне отложенный подарок. «Я обещал подарить тебе всё на свете, сын», – гласила сопроводительная карточка. В свёртке была упаковка цветных мелков.

Мы приступили к делу.

Глава 4. Черное небо белой ночи

В воздух мы поднялись в четыре утра. Распыление реагентов началось точно по графику, и к вечеру небо достигло нужного оттенка. Часов в шесть пополудни под нами в городе раздался оглушительный треск, который, впрочем, не был лишен некоторой мелодичности. Здания, одно за другим, стали отрываться от земли.

Они поднимались вверх, как воздушные шарики, прикреплённые к земле вместо тонких трогательных ниточек сверхпрочными цепями. Одни уходили выше, другие оставались ниже, но все они – все без исключения – стремились ввысь, стремились к верхней границе атмосферы, как привязанные к морскому дну буйки стремятся вырваться за пределы плена водной глади.

Тело покойника парило на большой платформе в центре поднявшегося вверх для прощального парада города. Я так никогда и не увидел его лица. Реагенты, продолжая взаимодействие, визуальнo сгущали несуществующие в действительности сумерки. Наши баллоны со сжиженным газом, как и баллоны Энкорры, почти опустели. Было темно. И стало тихо.

Вся моя команда, которая казалась мне сейчас такой многочисленной, собралась у смотрового стекла. Я сделал всем чаю, благо в моём исполнении всё более чем безопасно, и мы

стали ждать.

Мы ждали прилюдного погребения механоида, с которым я имел наиболее близкий набор генов, так, как маленькие дети ждут новогоднего салюта – совершенно волшебного и совершенно мистического события, которое перенесёт их из одного года в другой, сделает старше и мудрее одним росчерком света поперёк притихшего звёздного неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.